

mate, kukuli") и "Похороны пастушка" ("Viens gane pomīga").

Эстонские пастушеские песни содержат три различных подвида, отражающие разные стадии развития формы: оклик, *helletus* и пастушеская песня (в более узком значении).

Оклики (сигналы, поданные голосом) известны у эстонцев, латышей и литовцев. Встречаются два типа коммуникаций: человек и человек; человек и животное (призывы, успокаивания и т.д.).

helletus - промежуточная форма между окликом и песней. В эстонской фольклористике под *helletus* понимается мелодически развитый оклик, который мог исполняться без текста (в Северной Эстонии) или с помощью особых слов-обращений, между которыми могла быть короткая фраза (в Южной Эстонии, особенно в Мульгимаа). При помощи *helletus* пастухи держали связь между собой (например, звали соседа со стадом к себе). Аналогичные тексты кроме эстонцев и латышей имеются и у литовцев. Особенно сходны *helletus* у эстонцев и латышей: близкие тексты, припевы и напевы. Такие же напевы *helletus* встречаются и в финских пастушеских и детских песнях. Исследователи народной музыки Х. Тампере, Е. Витолинь и М. Гольдин подчеркивали характерность *helletus* для Курземе, Видземе и Земгале, где поначалу селились ливы.

Напевы прочих вжностонских пастушеских песен рецитативны; рефренные, 1-2-строчные, с диапазоном терции или кварты, они близки к напевам других трудовых и обрядовых песен. Как и в латышских пастушеских напевах, припев находится в середине или конце фразы, схожи и слова припевов, а подчас и интонации. При знакомстве с репертуаром соседних народов создается впечатление, что звукообъем и мелодичность припевов пастушеских песен (особенно в латышских "gavilēšana" и литов-

ских "galiavimai") возрастает в южном направлении.

Второй самобытный регион распространения пастушеских песен в Эстонии - Сетумаа. Специфический пастушеский напев сету отличается от остальных сетуских напевов и не встречается в других районах Эстонии. Примечательно, что аналогичный напев зафиксирован у латышей и ижорцев, а такой же метроритм отмечен и в белорусских обрядовых песнях.

Напевы пастушеских песен Северной Эстонии не имеют припева и соотносятся с карельской и финской традицией.

М. Кийва (Тарту)

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ЧЕРТАХ ЗАГОВОРНОЙ ТРАДИЦИИ ЭСТОНЦЕВ И БАЛТСКИХ НАРОДОВ

Заговоры являются довольно существенной, но сравнительно мало исследованной областью эстонской народной традиции. Заговоры Южной Эстонии и западных островов представляют собой своеобразную группу, совершенно отличающуюся по содержанию от северо-эстонской заговорной традиции. У этой группы больше общих черт с балтийским материалом, поскольку между ними имели место относительно тесные культурно-исторические связи, были общие черты и в развитии экономики. Вопрос о взаимном влиянии и общих чертах балтийского и финского (в более широком плане - всего прибалтийско-финского) фольклора не нов. Об этом писали уже А. Р. Ниemi (1899, 1914) и другие. Заговорам, как виду фольклора, свойственна контаминация. Общественные заговоры и христианские заговорные легенды имеют широкое территориальное распространение, переплетаясь с локальными мотивами. В то же время в структуре заговоров, особенно в связанных с ними верованиях и обрядах, имеется много стереотипного, свойственного многим народам.

Южно-эстонские заклинания в большинстве произносятся в прозе или полупрозе, часто встречаются простые и свободно сконструированные краткие формулы. Сходство с балтийским материалом может обуславливаться одинаковыми природными условиями и сходным культурным развитием (сходство заговоров, призванных обеспечить экономический успех).

Рунические заклинания коротки, и граница между ними и руническими (особенно трудовыми) песнями нечеткая, что позволяет относить их и к тому и к другому виду. В эстонской фольклористике их и рассматривают то как песни, то как заговоры. У этой группы есть общие черты с балтийскими песнями (обращение пастуха, заклинания, связанные с планетами и т.д.). В южной части Эстонии распространен целый ряд заговорных легенд, известных во всей Европе, библейские легенды и палиндромы, причем часто явно заметна связь с балтийской традицией.

В структуре и функциях заговоров-диалогов западных островов много общих черт с латышским и литовским материалом. Примечательно употребление в заговорах латышских слов в пограничных с Латвией приходах, местностях. Наряду с ними встречаются формулы на неправильном латышском языке. Использование языка соседнего народа встречается и в других видах фольклора.

Л. Малаш (Минск)

ГЕНЕЗИС ТИПОЛОГИЧЕСКИ СХОЖИХ ОБРАЗОВ И МОТИВОВ В БЕЛОРУССКИХ, ЛИТОВСКИХ И ЛАТЫШСКИХ СИРОТСКИХ СВАДЕБНЫХ ПЕСНЯХ

Историческая обусловленность возникновения свадебных сиротских песен белорусского, литовского и латышского народов может быть объяснена в результате

исследования типологического сходства и различия их сюжетов, мотивов и образов, ареала их распространения, количественного соотношения и характера взаимодействия фольклора этих народов. Общие (при наличии и отличительных для каждого из народов национальных черт) песни этого цикла сложились в период XIV-XVIII вв. на основе сходства и общности быта, социально-экономических и историко-культурных условий жизни трех соседних народов.

Богатство сиротских песен в фольклоре этих народов объясняется развитостью у них культа предков, возникшего из веры в их загробное существование и связанное с этим их почитание (*manisius*). Этот культ, по свидетельству Л. Нидерле, засвидетельствован особенно у "балтских славян" большим количеством древних источников.

Белорусские сиротские свадебные песни отличаются множеством и разнообразием сюжетов, мотивов и их вариантов, исполняются только во время сиротской свадьбы и характеризуются четко выраженной обрядовой принадлежностью. (В белорусском фольклоре имеется большая группа сиротских социально-бытовых песен, которые во время свадьбы не исполняются и в нашем исследовании не учитывались.) Подавляющее число сюжетов этих песен характерно для всей территории Белоруссии. Большое внимание к сироте в белорусской свадьбе связано также с продолжительным сохранением остатков родового быта и последующей семейно-общинной организацией, которая существовала в Белоруссии еще во второй половине XIX века (Н. М. Никольский).

Основная масса сюжетов сиротских свадебных песен литовцев характерна для южной и юго-восточной частей Литвы. Половина из них текстуально совпадает с аналогичными белорусскими, причем в некоторых встречаются белорусские лексемы (В. Kazlauskienė). Большая часть